

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Теодор
ДРАЙЗЕР

Финансист

Москва

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д72

Theodore Dreiser
THE FINANCIER

© Theodore Dreiser, 1940

Перевод с английского *М. Волосова*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Д72 **Драйзер, Теодор.**
Финансист : [роман] / Теодор Драйзер ; [пер. с англ.
М. Г. Волосова]. — Москва : Издательство «Э», 2018. —
704 с. — (Всемирная литература).

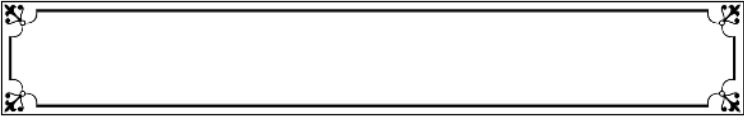
ISBN 978-5-699-93156-9

Американский романист Теодор Драйзер давно занял почетное место среди классиков мировой литературы. Тема большого бизнеса, людей как преуспевших в нем, так и потерпевших фиаско привлекала внимание Т. Драйзера еще в те годы, когда он занимался журналистикой. Герой романа «Финансист» из цикла «Трилогия желаний» — Фрэнк Каупервуд — не только удачливый бизнесмен и владелец огромного состояния. Он обладает особым магнетизмом, сверхъестественной властью как над мужчинами, так и над женщинами. Богатство для него не цель, а средство, позволяющее Каупервуду жить, руководствуясь принципом: «Мои желания прежде всего».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-93156-9

© Перевод на русский язык. М. Волосов.
Наследники, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ГЛАВА I

Филадельфия, где родился Фрэнк Алджернон Каупервуд, насчитывала тогда более двухсот пятидесяти тысяч жителей. Город этот изобиловал красивыми парками, величественными зданиями и памятниками старины. Многого из того, что знаем мы и что позднее узнал Фрэнк, тогда еще не существовало — телеграфа, телефона, доставки товаров на дом, городской почтовой сети и океанских пароходов. Не было даже почтовых марок и заказных писем. Еще не появилась конка. В черте города курсировали бесчисленные омнибусы, а для дальних путешествий служила медленно развивавшаяся сеть железных дорог, все еще тесно связанная с судоходными каналами.

Фрэнк родился в семье мелкого банковского служащего, но десять лет спустя, когда мальчик начал любознательно и зорко вглядываться в окружающий мир, умер председатель правления банка; все служащие соответственно повысились в должностях, и мистер Генри Уортингтон Каупервуд «унаследовал» место помощника кассира с блистательным, по его тогдашним понятиям, годовым окладом в три с половиной тысячи долларов. Он тотчас же радостно сообщил жене о своем реше-

нии перебраться из дома 21 по Батнвуд-стрит в дом 124 по Нью-Маркет-стрит: и район не такой захолустный, и дом — трехэтажный кирпичный особнячок — не шел ни в какое сравнение с нынешним жилищем Каупервудов. У них имелись все основания полагать, что со временем они переедут в еще более просторное помещение, но пока и это было неплохо. Мистер Каупервуд от души благодарил судьбу.

Генри Уортингтон Каупервуд верил лишь в то, что видел собственными глазами, и был вполне удовлетворен своим положением, — это открывало ему возможность стать банкиром в будущем. В ту пору он был представительным мужчиной — высокий, худощавый, подтянутый, с вдумчивым взглядом и холеными, коротко подстриженными бакенбардами, доходящими почти до мочек ушей. Верхняя губа, странно далеко отстоявшая от длинного и прямого носа, всегда была чисто выбрита, так же как и заостренный подбородок. Густые черные брови оттеняли зеленовато-серые глаза, а короткие прилизанные волосы разделялись аккуратным пробором. Он неизменно носил сюртук — в тогдашних финансовых кругах это считалось «хорошим тоном» — и цилиндр. Ногти держал в безукоризненной чистоте. Впечатление он производил несколько суровое, но суровость его была напускная.

Стремясь выдвинуться в обществе и в финансовом мире, мистер Каупервуд всегда тщательно взвешивал, с кем и о ком он говорит. Он в равной мере остерегался как высказывать резкие или непопулярные в его кругу мнения по социальным или политическим вопросам, так и общаться с людьми, пользовавшимися дурной репутацией. Впрочем, надо заметить, что он и не имел определенных политических убеждений. Он не являлся

ни сторонником, ни противником рабовладения, хотя атмосфера тогда была насыщена борьбой между аболиционистами и сторонниками рабства. Каупервуд твердо верил, что на железных дорогах можно нажить большое богатство, был бы только достаточный капитал, да еще одна странная штука — личное обаяние, то есть способность внушать к себе доверие. По его убеждению, Эндрю Джэксон был совершенно не прав, выступая против Николаса Бидла¹ и Банка Соединенных Штатов, — эта проблема волновала тогда все умы. Он был крайне обеспокоен потоком «дутых денег», находившихся в обращении и то и дело попадавших в его банк, который, конечно, все же таковые учитывал и с выгодой для себя вновь пускал в оборот, выдавая их жаждущим ссуды клиентам. Третий филиладельфийский национальный банк, в котором он служил, помещался в деловом квартале, в ту пору считавшемся цветом всего американского финансового мира; владельцы банка попутно занимались также игрой на бирже. «Банки штатов», крупные и мелкие, возникали тогда на каждом шагу; они бесконтрольно выпускали свои банковские билеты на базе ненадежных и никому не ведомых активов и с невероятной быстротой вылетали в трубу или же приостанавливали платежи. Осведомленность во всех этих делах была непременным условием деятельности мистера Каупервуда, отчего он и стал воплощенной осторожностью. К сожалению, ему не хватало двух качеств, необходимых для преуспевания на любом поприще, — личного обаяния и дальновидности. Крупным финансистом он не мог бы сделаться, но ему все же предстояла неплохая карьера.

¹ Эндрю Джэксон — седьмой президент США с 1829 по 1837 год; Николас Бидл — председатель правления Банка США.

Миссис Каупервуд была женщина религиозная; маленькая, со светло-каштановыми волосами и ясными карими глазами, она в молодости казалась весьма привлекательной, но с годами стала несколько жеманной и вся ушла в житейские заботы. К своим материнским обязанностям по воспитанию троих сыновей и дочери она относилась очень серьезно. Мальчики, предводительствуемые старшим, Фрэнком, служили для нее источником постоянных тревог, ибо то и дело совершали вылазки в разные концы города, где, чего доброго, водились с дурной компанией, видели и слышали то, что в их возрасте не полагается ни видеть, ни слышать.

Фрэнк Каупервуд в десять лет вел себя как прирощенный вожак. И в начальной, и в средней школе все считали, что на его здравый смысл можно положиться при любых обстоятельствах. Характер у него был независимый, смелый и задорный. Политика и экономика привлекали его с детства. Книгами он не интересовался. С виду это был подтянутый, широкоплечий, ладно скроенный мальчик. Лицо открытое, глаза большие, ясные и серые; широкий лоб и темно-каштановые, остриженные бобриком волосы. Манеры порывистые и самоуверенные. Всех и каждого донимая вопросами, он настаивал на исчерпывающих, разумных ответах. Фрэнк не знал болезней или недомогания, отличался прекрасным аппетитом и полновластно командовал братьями: «Ну-ка, Джо!», «Живей, поворачивайся, Эд!» Его команда звучала не грубо, но авторитетно, и Джо с Эдом повиновались. Они с детства привыкли смотреть на старшего брата как на главаря, с чьими словами следует считаться.

Он постоянно размышлял, размышлял без устали. Все на свете равно поражало его, ибо он не находил от-

вета на главный вопрос: что это за штука жизнь и как она устроена? Откуда взялись на свете люди? Каково их назначение? Кто положил всему начало? Мать рассказала ему легенду об Адаме и Еве, но он в нее не поверил.

Каупервуды жили неподалеку от рыбного рынка; по дороге к отцу в банк или во время какой-нибудь вылазки с братьями после школьных уроков Фрэнк любил останавливаться перед витриной, в которой был выставлен аквариум; рыбаки с залива Делавэр нередко пополняли его всевозможными диковинками морских глубин. Однажды он видел там морского конька, крохотное животное, немного смахивающее на лошадку, в другой раз — электрического угря, чьи свойства объяснило знаменитое открытие Веньямина Франклина. В один прекрасный день в аквариум пустили омара и каракатицу, и Фрэнк стал очевидцем трагедии, которая запомнилась ему на всю жизнь и многое помогла уразуметь. Из разговора любопытствующих зевак он узнал, что омару не давали никакой пищи, так как его законной добычей считалась каракатица. Омар лежал на золотистом песчаном дне стеклянного садка и, казалось, ничего не видел; невозможно было определить, куда смотрят черные бусинки его глаз, но, надо думать, они не отрывались от каракатицы. Бескровная и восковидная, похожая на кусок сала, она передвигалась толчками, как торпеда, но беспощадные клешни врага каждый раз отрывали новые частицы от ее тела. Омар, словно выброшенный катапультой, кидался к тому месту, где, казалось, дремала каракатица, а та, стремительно отпрыгнув, укрывалась за чернильным облачком, которое оставляла за собой. Но и этот маневр не всегда был успешен. Кусочки ее тела и хвоста все чаще оставались в клешнях морского чудовища. Юный Каупервуд

ежедневно прибегал сюда и, как зачарованный, следил за ходом трагедии.

Однажды утром он стоял перед витриной, чуть не прижавшись носом к стеклу. От каракатицы оставался уже только бесформенный клок; почти пуст был и ее чернильный мешочек. Омар притаился в углу аквариума, видимо изготовившись к боевым действиям.

Мальчик простаивал у окна почти все свободное время, замороженный этой жестокой схваткой. Теперь уже скоро, может быть, через час, а может быть — завтра, каракатицы не станет; омар ее прикончит и сожрет. Фрэнк перевел глаза на зеленую, с медным отливом разрушительную машину в углу аквариума. Интересно, скоро ли это случится? Пожалуй, еще сегодня. Вечером надо будет снова прибежать сюда.

Вечер настал, и что же? Ожидаемое свершилось. У витрины стояла кучка людей. Омар забился в угол, перед ним лежала перерезанная надвое, почти уже сожранная каракатица.

— Дорвался наконец! — произнес кто-то рядом с мальчиком. — Я тут давно стою: с час назад омар вдруг ринулся и схватил ее. Каракатица изнемогала, у нее больше не хватало проворства. Она метнулась было от него, но омар этого и ждал. Он уже давно предусмотрел малейшее движение своей жертвы и вот сегодня наконец ее прикончил.

Фрэнк смотрел широко раскрытыми глазами. Какая досада, что он упустил этот миг. На секунду в нем шевельнулась жалость к убитой каракатице. Затем он перевел взгляд на победителя.

«Так оно и должно было случиться, — мысленно произнес он. — Каракатице не хватало изворотливости. — Он попытался разобраться в случившемся. — Карака-

тица не могла убить омара — у нее для этого не было никакого оружия. Омар мог убить каракатицу — он прекрасно вооружен. Каракатице нечем было питаться, перед омаром была добыча — каракатица. К чему это должно было привести? Существовал ли другой исход? Нет, она была обречена», — заключил он, уже подходя к дому.

Этот случай произвел на Фрэнка неизгладимое впечатление. В общих чертах он давал ответ на загадку, долго мучившую его: как устроена жизнь? Вот так все живое и существует — одно за счет другого. Омары пожирают каракатиц и других тварей. Кто пожирает омаров? Разумеется, человек. Да, конечно, вот она, разгадка! «Ну а кто пожирает человека? — тотчас же спросил он себя. — Неужели другие люди? Нет, дикие звери. Да еще индейцы и людоеды. Множество людей гибнет в море и от несчастных случаев». Он не был уверен в том, что и люди живут одни за счет других, но они убивают друг друга, это он знал. Взять хотя бы войны, уличные побоища, погромы. Погром Фрэнк видел однажды собственными глазами. Он возвращался из школы, тогда толпа напала на редакцию газеты «Паблик леджер». Отец объяснил ему, что послужило тому причиной. Страсти разгорелись из-за рабов. Да, да, конечно! Одни люди живут за счет других. Рабы — они ведь тоже люди. Из-за этого-то и царило в те времена такое возбуждение. Одни люди убивали других людей — чернокожих.

Фрэнк вернулся домой, весьма довольный сделанными им выводами.

— Мама! — крикнул он, едва переступив порог. — Наконец-то он ее прикончил!

— Кто? Кого? — в изумлении спросила мать. — Ступай-ка мыть руки!

— Да омар, про которого я вам с папой рассказывал. Прикончил каракатицу.

— Какая жалость! Но что тут интересного? Живее мой руки!

— Ого, такую штуку не часто приходится видеть! Я, например, видел это в первый раз.

Он вышел во двор, где была водопроводная колонка и рядом с нею врытый в землю столик, на котором стояли ведро с водой и блестящий жестяной таз. Фрэнк вымыл лицо и руки.

— Папа, — обратился он к отцу после ужина, — помнишь, я тебе рассказывал про каракатицу?

— Помню.

— Ну, так вот — ее уже нет. Омар ее сожрал.

— Скажи на милость! — равнодушно отозвался отец, продолжая читать газету.

Но Фрэнк еще долгие месяцы размышлял над виденным, над жизнью, с которой он столкнулся, ибо его уже начинал занимать вопрос, кем он будет и как сложится его судьба? Наблюдая за отцом, считавшим деньги, он решил, что привлекательнее всего банковское дело. А Третья улица, где служил его отец, казалась ему самой красивой, самой замечательной улицей в мире.

ГЛАВА II

Детство Фрэнка Алджернона Каупервуда протекало среди семейного уюта и благополучия. Батнвуд-стрит, улица, где он проживал до десяти лет, пришлась бы по душе любому мальчику. В основном она была застроена двухэтажными особнячками из красного кирпича с низкими ступеньками из белого мрамора и такими же наличниками на дверях и окнах. Вдоль улицы были гу-

сто посажены деревья. Мостовая, выложенная крупным округлым булыжником, после дождя блестела чистотой, а от красных кирпичных тротуаров, всегда чуть-чуть сыроватых, веяло прохладой. Позади каждого домика имелся двор, поросший деревьями и травой. Кое-где даже были разбиты цветники, так как земельные участки здесь тянулись футов на сто в ширину, дома же были выдвинуты близко к мостовой, и за ними оставалось много свободного пространства.

Отец и мать Каупервуды, люди достаточно простодушные и отзывчивые, умели радоваться и веселиться вместе со своими детьми. Поэтому ко времени, когда отец решил перебраться в новый дом на Нью-Маркет-стрит, семья, в которой после рождения Фрэнка каждые два-три года прибавлялось по ребенку, пока детей не стало четверо, представляла собой оживленный маленький мирок. С тех пор как Генри Уортингтон Каупервуд стал занимать более ответственный пост, его связи непрерывно ширились, и он мало-помалу сделался видной персоной. Он свел знакомство со многими крупнейшими вкладчиками своего банка, а так как по делам службы ему приходилось бывать и в других банкирских домах, то его стали считать своим и в Банке Соединенных Штатов, и у Дрекселей, Эдвардсонов и многих других. Биржевые маклеры знали его как представителя крепкой финансовой организации, и он повсюду слыл человеком если и не блестящего ума, то в высшей степени честным и добропорядочным дельцом.

Юный Каупервуд все больше вникал в детали отцовских занятий. По субботам ему частенько разрешалось приходить в банк, и он с огромным интересом наблюдал, как производятся маклерские операции и как ловко обмениваются всевозможные бумаги. Ему хотелось

знать, откуда берутся все эти ценности, для чего клиенты обращаются в банк за учетом векселей, почему банк такой учет производит и что люди делают с полученными деньгами. Отец, довольный, что сын интересуется его делом, охотно давал ему объяснения, так что Фрэнк в очень раннем возрасте — между десятью и пятнадцатью годами — уже составил себе довольно полное представление о финансовой системе Америки, знал, что такое Банк штата и в чем его отличие от Национального, чем занимаются маклеры, что такое акции и почему их курс постоянно колеблется. Он начал уяснять себе значение денег как средства обмена и понял, что всякая стоимость исчисляется в зависимости от основной — стоимости золота. Он был финансистом по самой своей природе и все связанное с этим трудным искусством схватывал так же, как поэт схватывает тончайшие переживания, все оттенки чувств. Золото — это средство обмена — страстно его привлекало. Узнав от отца, как оно добывается, мальчик часто во сне видел себя собственником золотоносных копей и, проснувшись, жаждал, чтобы сон обратился в явь. Не меньший интерес возбуждали в нем акции и облигации; он узнал, что бывают акции, не стоящие бумаги, на которой они отпечатаны, и другие, расценивающиеся гораздо выше своего номинала.

— Вот, сынок, погляди, — сказал ему однажды отец, — такие бумажки не часто встречаются в наших краях.

Речь шла об акциях Британской Ост-Индской компании, заложенных за две трети номинала, в обеспечение стотысячного займа. Они принадлежали одному филадельфийскому магнату, нуждавшемуся в наличных деньгах. Юный Каупервуд с живым любопытством разглядывал пачку бумаг.

— По виду не скажешь, что они стоят таких денег, — заметил он.

— Они ценятся вчетверо выше своего номинала, — улыбаясь, отвечал отец.

Фрэнк снова принялся рассматривать бумаги.

— «Британская Ост-Индская компания», — прочитал он вслух. — Десять фунтов. Что-то около пятидесяти долларов.

— Сорок восемь долларов и тридцать пять центов, — деловито поправил его отец. — Мда, будь у нас такая пачка, не было бы надобности трудиться с утра до вечера. Обрати внимание, они почти новехонькие, редко бывают в обороте. В закладе они, видимо, первый раз.

Подержав пачку в руках, юный Каупервуд вернул ее отцу, дивясь огромной разветвленности финансового дела. Что это за Ост-Индская компания? Чем она занимается? Отец объяснил ему.

Дома Фрэнк тоже слышал разговоры о капиталовложениях и о рискованных финансовых операциях. Его заинтересовал рассказ про весьма любопытную личность, некоего Стимберджера, крупного спекулянта из штата Виргиния, который перепродавал мясо и недавно появился в Филадельфию, привлеченный надеждой на широкий и легкий кредит. Стимберджер, по словам отца, был связан с Николасом Бидлом, Ларднером и другими заправилами Банка Соединенных Штатов и даже очень дружен кое с кем из них. Так или иначе, но он добивался от этого банка почти всего, чего хотел добиться. Он производил крупнейшие закупки скота в Виргинии, Огайо и других штатах и фактически монополизировал мясную торговлю на востоке страны. Это был огромный человек, с лицом, весьма напоминавшим, по словам мистера Каупервуда, свиное рыло; он неизменно ходил